

чества миллионы американцев; американские авиакомпании отменили большинство авиарейсов. На юг Японии обрушился тайфун *Талас*, приведший к жертвам среди населения.

7 сентября в России под Ярославлем разбился самолет — погибли хоккеисты из клуба *Локомотив*.

- Крупные теракты совершены в Пакистане, Ираке, Таиланде, Алжире, Нигерии, Афганистане.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА:

НИКТО ТАК НЕ СЛЕП, КАК ТОТ, КТО НЕ ХОЧЕТ ВИДЕТЬ

Бюджетный кризис в США; тяжелые проблемы в зоне евро, в том числе ожидающийся суверенный дефолт Греции; неопределенность с ядерной программой Ирана; осложнение израильско-палестинских отношений и многие другие события, происходившие на международной арене в середине 2011 г., вызывают тревожное ощущение того, что мир подходит к грани, пересечение которой чревато малоприятными последствиями. **Вот она, ключевая дилемма начала XXI в.: либо развитие демократические страны переходят к политике, которая обычно ассоциируется с именами Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, понимается, в ее современном варианте, либо пессимистические сценарии глобального кризиса могут стать реальностью.**

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ КОНЕЦ СВЕТА

Столкновение администрации Барака Обамы и республиканской фракции конгресса из-за очередного повышения лимита государственного долга США стало, пожалуй, наиболее острым моментом летнего политического сезона 2011 г. Страшное слово *дефолт* воспринималось как начало крушения мировой финансовой системы. Отчасти это вызвано болезненной склонностью современного массового сознания искать и находить во всем происходящем признаки приближающегося конца света. Отчасти тем, что и та и другая сторона нагнетали алармистские настроения, представляя оппонента виновником надвигающейся катастрофы.

Вопрос о возможных последствиях технического дефолта американского правительства остается открытым. Если бы он произошел, администрация была бы вынуждена в последние два месяца 2011 финансового года сократить выплаты по государственному бюджету, в первую очередь по незащищенным статьям бюджета (*discretionary programs*), более половины которых составляют расходы на национальную оборону. Масштабы сокращений зависели бы от разницы между текущими поступлениями бюджетных доходов и расходами. Дефолт повлек бы за собой задержку заработной платы государственным служащим, в том числе военным, и оплаты части правительственных контрактов, а также сокращение некоторых социальных программ. Итогом стал бы спад темпов роста, увеличение безработицы, снижение потребления и, следовательно, импорта, а также падение цен на энергоносители. Возможно, на какое-то время было бы заморожено обслуживание государственного долга, хотя эти расходы относятся к защищенным статьям бюджета (*mandatory programs*). Оценить масштаб, длительность и вторичные эффекты этих последствий невозможно, поскольку они зависят от того, какие именно статьи расходов были бы сокращены и насколько. Однако о крахе американской экономики все же речи быть не могло.

В международном плане опасным было бы лавинообразное сбрасывание американских государственных долговых обязательств (US Treasury securities) и, соответственно, их обесценение. Но вероятность такого развития событий сравнительно невелика. Более трети американских ценных бумаг по условиям выпуска и приобретения вообще не подлежат перепродаже. Кроме того, в случае паники в первую очередь избавляться от них стали бы частные иностранные держатели. Но им принадлежит менее 10% всего американского долга. В свою очередь, иностранные правительства, прежде всего китайское, японское, британское и российское, владеющие самыми крупными пакетами американских бумаг, были бы вынуждены скупать выбрасываемые на рынок американские обязательства, чтобы поддержать их рыночную стоимость. В противном случае они понесли серьезные финансовые потери. Так, в случае обесценения американских обязательств наполовину Россия потеряла бы более 50 млрд долл. А в конечном итоге в выигрыше оказались бы те, кто скупил эти бумаги по относительно низкой цене, поскольку их курс неизбежно вырастет по мере преодоления финансового кризиса в США.

Таблица 1. Основные держатели государственных долговых обязательств США¹

Держатели государственных долговых обязательств	Долговые обязательства США по состоянию на 31 августа 2011 г.	
	Не подлежащие перепродаже	Подлежащие перепродаже
	5,2 трлн долл.	9,5 трлн долл.
Правительственные учреждения США	90%	~ 0
Американские частные держатели	10%	40%
Иностранные правительства	0	45%
Иностранные частные держатели	0	15%

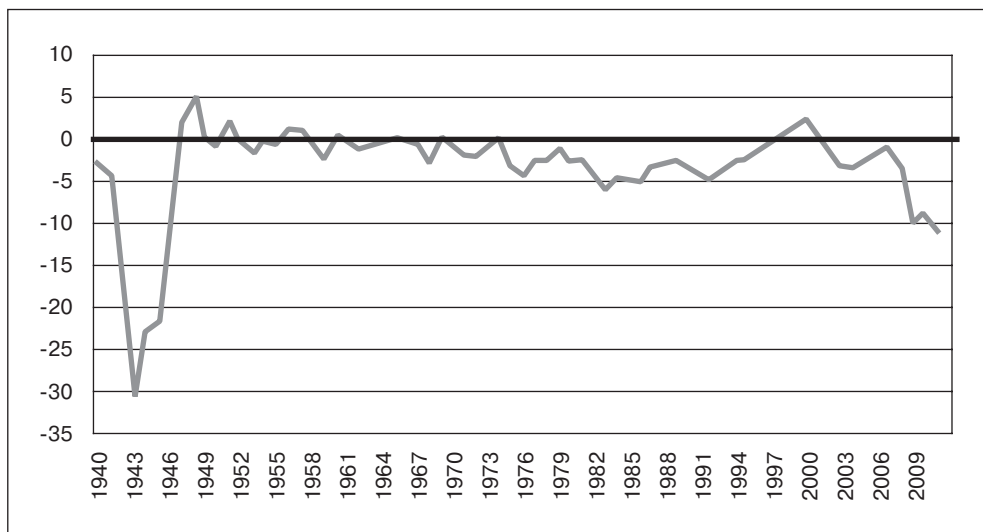
Столкновения относительно повышения лимитов государственного долга высветили проблему бюджетного дефицита. После прихода к власти администрации Обамы он вырос в пять раз, достигнув в среднем 1,5 трлн долл. (в текущих ценах). В 2011 финансовом году дефицит составил 43% расходной части бюджета и почти 10% ВВП². Это беспрецедентное событие в американской экономике. В 1947–2008 финансовых годах он в среднем составлял 1,6% ВВП, а в 2001–2008 финансовых годах, то есть при администрации Джорджа Буша-мл., был равен в среднем 2% ВВП.

Скачкообразный рост дефицита в 2009 финансовом году можно объяснить выделением примерно 800 млрд долларов для стабилизации финансовой системы США. Но в последующие годы дефицит порождался нелепой политикой демократической администрации, сочетавшей сокращение налогов с повышением социальных и военных расходов. Это грозит крупными неприятностями в экономике, что и вызвало демарш республиканцев, требовавших сокращения или сведения к нулю дефицита бюджета.

Дефолт США, хотя и технический, означал бы катастрофическое поражение администрации Обамы. Вместе с тем республиканцы были бы немедленно обвинены в том, что они разваливают американскую экономику ради достижения политических целей. Иными словами, обе стороны были заинтересованы в компромиссе, а споры шли о его конкретных параметрах.

Согласно Закону 2011 г. о контроле над бюджетом (Budget Control Act of 2011), в котором была формализована достигнутая 1 августа 2011 г. договоренность между конгрессом и администрацией, последняя получила право вплоть до конца

График 1. Профицит/дефицит американского бюджета, 1940–2011 финансовые годы (% ВВП)

2013 финансового года увеличить государственный долг на 2,1–2,4 трлн долл. Увеличить долг на 400 млрд долл. было разрешено немедленно по вступлению закона в силу и еще на 500 млрд долл. — до окончания 2011 финансового года в том случае, если конгресс не заблокирует это двумя третями голосов³. Далее, должны быть утверждены потолки на незащищенные статьи расходов таким образом, чтобы в течение 10 лет было сэкономлено 917 млрд долл. Создан двухпартийный Комитет по сокращению бюджетного дефицита (Joint Select Committee on Deficit Reduction), который должен не позднее чем 23 ноября 2011 г. разработать законопроект о сокращении бюджетного дефицита в течение 10 лет еще на 1,5 трлн долл. Соответствующий закон должен войти в силу не позднее 15 января 2012 г. Если этот закон будет принят, в 2012–2013 финансовых годах государственный долг может быть увеличен еще на 1,5 трлн долл. Если он не будет принят, то государственный долг может быть увеличен в этот период на 1,2 трлн долл. Но в этом случае автоматически вводятся сокращения незащищенных статей бюджета, которые в совокупности должны до 2021 г. привести к сокращению расходов на такую же величину. Эти сокращения распределяются поровну между расходами на нацио-

Андрей Картунов (Россия), президент фонда Новая Евразия — по телефону из Москвы: В России завершается очередной политический цикл. Ожидания предстоящей смены власти ведут к нарастанию политической напряженности. Не способствует стабильности и резкое обострение российско-украинских отношений из-за цены на газ. Продолжается экономический кризис в Белоруссии, на фоне которого в стране снижается политическая стабильность. В целом позитивным фактором является то, что общеэкономическая ситуация не привела к сползанию в очередной экономической кризис. Сохранялся позитивный потенциал развития, накопленный ранее в отношениях России с Западом. Это позволило предотвратить осложнение многих негативных событий на постсоветском пространстве.

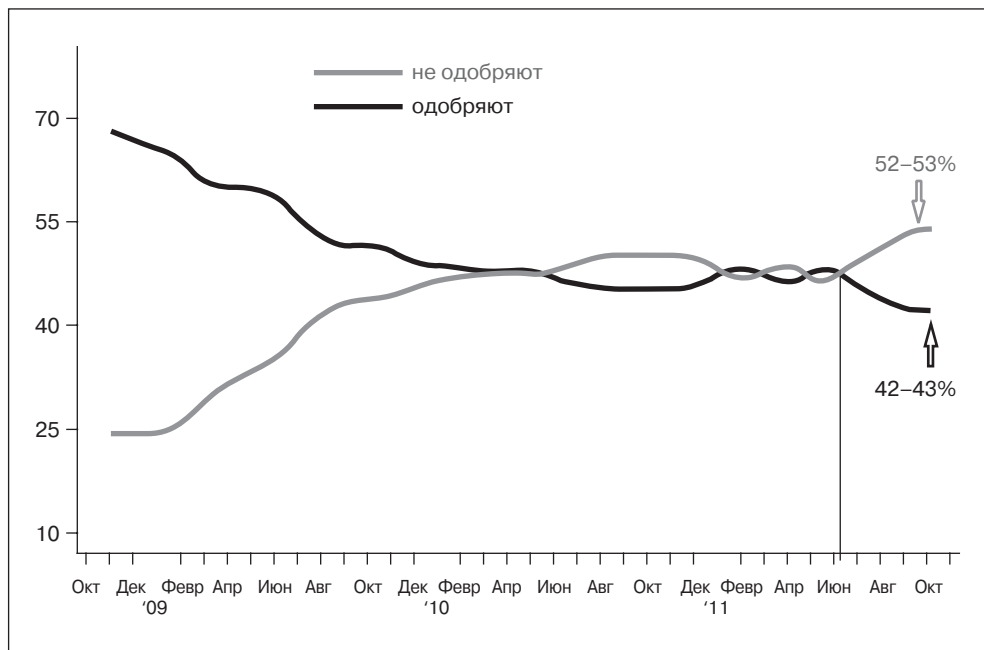
нальную оборону и другими незащищенными статьями бюджета. Наконец, должна быть принята поправка к конституции относительно сбалансированности бюджета (Balanced Budget Amendment).

Оценить влияние этого Закона на американскую экономику в перспективе нескольких лет невозможно. Он не вводит каких-либо ограничений на рост государственного долга после окончания 2013 финансового года. Неясно, будет ли разработана и принята названная поправка к конституции и каким может быть ее содержание, а также каковы будут результаты деятельности Комитета по сокращению бюджетного дефицита. В целом же, бюджетный кризис 2011 года стал последним предупреждением, ясным сигналом, что продолжение экономической политики администрации Барака Обамы чревато крупными проблемами для американской экономики.

ХРОМАЯ УТКА В БЕЛОМ ДОМЕ

С начала июня 2011 г. доля американских граждан, негативно оценивающих деятельность Обамы на посту президента, стала все заметнее превышать долю тех, кто оценивает ее положительно. Во второй половине сентября 2011 г. разница между этими категориями респондентов стабилизировалась примерно на уровне 10%. При этом среди независимых избирателей, а от их позиции во многом зависит исход голосования, соответствующее соотношение составило к концу сентября 57% на 35%. Другой важный, возможно, ключевой фактор, определяющий победу или поражение на выборах — отношение избирателей к экономической политике президента. По этому параметру положение Обамы еще хуже. В среднем в начале осени ее негативно оценили более 60% опрошенных, тогда как противоположного мнения придерживались 33%⁴. Некоторые, хотя далеко не все опросы показывают, что Обама проиграет будущие выборы. Другие — ставят итоги голосования в зависимость от того, кто будет номинирован кандидатом в президенты от республиканской партии.

График 2. Одобрение/неодобрение деятельности Б. Обамы⁵

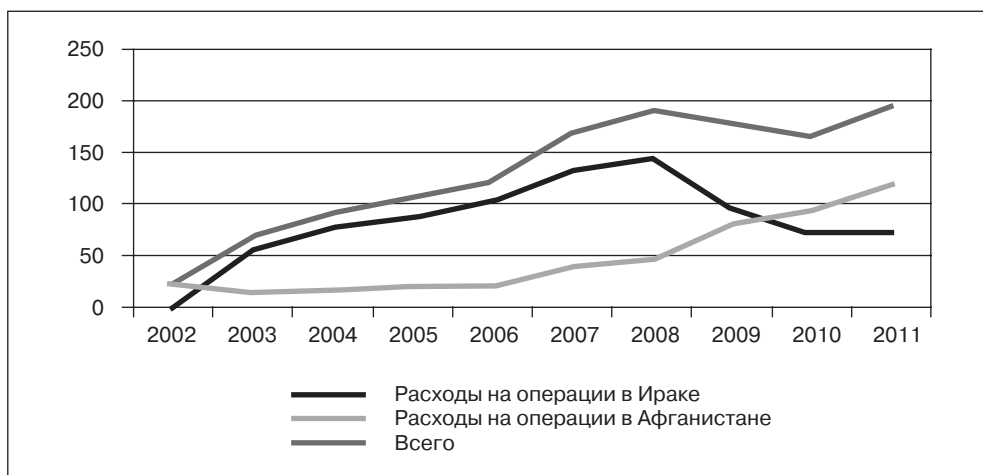

Летом и осенью 2011 г. в средствах массовой информации и в экспертной среде активно обсуждались две кандидатуры на пост будущего президента США от республиканской партии — нынешний губернатор Техаса Рик Перри и бывший губернатор Массачусетса Митт Ромни. Оба они объявили о намерении добиваться высшего поста в стране и начали предвыборную кампанию. Сложность ситуации в том, что Перри более популярен в партии, особенно в ее консервативном крыле. Следовательно, у него больше шансов быть выдвинутым в кандидаты в президенты. Однако у Ромни, как показывают опросы общественного мнения, больше шансов выиграть президентские выборы. Наиболее сильный потенциальный кандидат от республиканцев, бывший мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани, пока не решил, будет ли он участвовать в выборах.

Вопрос о том, кто станет будущим президентом самой могущественной страны мира, исключительно важен. Но не менее, а, может быть, еще более важно, что бюджетный кризис лета 2011 г. продемонстрировал бездарность экономической стратегии демократов и лежащей в ее основе социально-экономической философии левого толка. Этому есть и другие свидетельства. Количество бедных в США возросло до наивысшего за последние 50 лет предела, достигнув 43,6 млн человек. В сентябре 2011 г. 26 штатов (то есть больше половины) обратились в Верховный суд США с требованием приостановить действие закона о реформе здравоохранения, что было вполне ожидаемым. Реформа здравоохранения — ключевой элемент политики Обамы — потребует от бюджета в течение 10 будущих лет затрат в 940 млрд долл., тогда как ожидаемая экономия в 134 млрд долл., в том числе от снижения злоупотреблений и сокращения мошенничества в этой сфере, представляется более чем проблематичной.

Что касается внешней политики, то говорить о принципиальных провалах нынешней администрации США оснований нет. Вместе с тем она оказалась слабой, вялой и неуверенной. Практические действия во многих случаях подменялись выспренней риторикой. Не оправдались расчеты на улучшение отношений с мусульманским миром и на *перезагрузку* с Россией. За последние три года восприятие США в арабских странах, пожалуй, даже ухудшилось. Одновременно, Вашингтон сумел осложнить отношения с Израилем. В обмен на бессмысленный с военной точки зрения новый договор по стратегическим вооружениям США пошли на существенные уступки Москве, отказавшись от третьего позиционного района ПРО в Чехии и Польше, а также признав *де-факто* доминирующую роль России в странах бывшего СССР. Это укрепило позиции тех сил в российской элите, которые делают ставку на жесткие, подчас силовые методы во внешней политике.

График 3. Расходы США на операции в Ираке и Афганистане, 2002–2011 финансовые годы (млрд долл., текущие цены)⁶

И самое главное — американское руководство не смогло решить две ключевые проблемы, стоящие перед Соединенными Штатами, — прекращение ядерной военной программы Ирана и военной операции в Афганистане. При этом сокращение военных усилий и расходов в Ираке в 2008–2011 финансовых годах — единственный реальный успех международной политики Обамы — компенсировалось наращиванием военного вмешательства в Афганистане. Последнее не только поглощало более 100 млрд долл. в год, но и заметно ограничивало возможности США в отношениях с Ираном, Северной Кореей, Россией и другими государствами бывшего СССР.

Провал экономической стратегии администрации Обамы и ее невразумительная внешняя политика свидетельствуют о том, что реализация левых идей — усиление государственного регулирования экономики, наращивание социальных расходов, заигрывание с экстремистскими силами и режимами на международной арене — заводят в тупик ситуацию даже в самой мощной стране современного мира. А поэтому, следующей администрации США предстоит провести крупные изменения в экономической и внешней политике страны. В противном случае она столкнется с прогрессирующим экономическим кризисом и сокращением позиций на международной арене.

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ XXI в.

Аналогичная по своей сути проблема стоит и перед Европой. Европейский проект, который, как казалось еще несколько месяцев тому назад, победил окончательно и бесповоротно, нуждается в серьезной коррекции. В Германии, например, все чаще задают вопрос: почему во имя европейской солидарности немцы должны рисковать собственным благополучием, спасая от банкротства Грецию, а в перспективе и другие страны, неспособные привести расходы в соответствие с доходами?

Таблица 2. Ключевые экономические показатели отдельных стран ЕС, 2007–2011 г.⁷

Страна	ВВП (€ трлн)	Государственный долг (% ВВП)		Дефицит бюджета (% ВВП)		Безработица (%)
	2011	2007	2010	2007	2010	2011
Германия	2,5	65	83	+0,3	-3,3	6,0
Франция	1,9	64	82	-2,7	-7,0	9,9
Великобритания	1,7	59	80	-2,7	-10,4	8,0
Италия	1,5	104	119	-1,5	-4,6	7,9
Швеция	1,5	40	40	+3,6	0	7,4
Испания	1,0	36	60	+2,0	-9,2	21,2
Греция	0,23	105	143	-6,4	-10,5	16,7
Ирландия	0,16	25	93	0	-32,4	14,6
Португалия	0,17	68	93	-3,1	-9,1	12,3

Действительно, с 2007 г., непосредственно предшествовавшего кризису 2008–2009 гг., государственный (суверенный) долг стран — членов Европейского союза вырос более чем на треть, составив в 2010 г. 9,8 трлн евро, или 80% их суммарно-

го ВВП, а совокупный бюджетный дефицит увеличился более чем в 6 раз, достигнув в 2009–2010 гг. 800 млрд евро, или 6–7% ВВП. В относительно благополучном положении находится крупнейшая в Европе экономика Германии, от позиции которой во многом зависит ситуация в Европе в целом. Но развитие событий во Франции и Великобритании вызывает опасения. В сложном положении находятся Ирландия, Португалия, Испания и Италия, причем две последних страны относятся к шести крупнейшим экономикам Европы, валовой внутренний продукт каждой из них превышает 1 трлн евро. В сентябре 2011 г. на грани суверенного дефолта оказалась Греция.

Вопрос о том, сможет ли греческое правительство избежать дефолта или нет, на момент написания этого обзора оставался открытым. Точки зрения экспертов на эту проблему как всегда были противоположными. Не вызывает сомнения, однако, что в результате огромного бюджетного дефицита эта страна не может самостоятельно расплачиваться по своим долгам. Поддержка со стороны ЕС и МВФ, благодаря которой удастся предотвратить банкротство греческих финансов, зависит от осуществления Афинами мер жесткой бюджетной экономии. Наиболее болезненные из них — повышение налогов, сокращение государственных расходов, в том числе пенсий, увольнение части государственных служащих. Все это вызывает отчаянное сопротивление значительной части населения, привыкшей к относительно высокому уровню жизни благодаря массивным социальным программам.

Тревогу вызывает не столько судьба греческой экономики как таковой; она, по сути дела, мало кого волнует. Беспокойство среди политиков и экономистов связано с вторичными последствиями дефолта. Хотя ВВП Греции составляет всего 2,5% общего ВВП стран — членов Европейского союза, в случае дефолта кредиторы, прежде всего европейские, потеряют 150–170 млрд евро, то есть примерно половину нынешнего греческого долга. Это вызовет серьезные трудности у ряда крупных банков, вложивших свои средства в греческие ценные бумаги. Европейским правительствам придется принимать меры по их поддержке. Усилятся опасения относительно финансовой ситуации в Италии и Испании. В Германии, которая несет наибольшую нагрузку по поддержанию Греции на плаву, возрастут изоляционистские настроения.

Возможно, Греции удастся избежать дефолта или масштабной реструктуризации государственного долга. Скорее всего, в конечном итоге финансовая ситуация в Европе стабилизируется, хотя и ценой заметного, на 10–20%, снижения курса евро⁸. Но это не снимает с повестки дня становящийся все более острым вопрос об экономической стратегии ведущих стран Запада. Греческий кризис является прямым следствием политики, которую власти этой страны проводили на протяжении последних десяти лет. Вплоть до 2008 г. греческая экономика была внешне вполне благополучной и одной из наиболее быстро растущих в Европе. Это позволяло правительству спокойно наращивать государственный долг, финансируя таким образом экономический рост и массивные социальные программы.

Однако глобальный кризис 2008–2009 гг. больно ударил по двум основным отраслям греческой экономики — туризму и морским перевозкам. Но вместо того чтобы сразу же перейти к мерам жесткой экономии, правительство под давлением профсоюзов и левых политических сил пошло по пути увеличения доходности долговых обязательств, создав типичную финансовую пирамиду. При этом в ЕС иногда представлялась фальсифицированная информация относительно доходности государственных ценных бумаг и других финансовых показателей. Неспособность принять необходимые меры в самом начале кризиса привела к нынешней печальной ситуации.

Пример Греции подтверждает, что политика дефицитного финансирования экономического роста, которой в той или иной степени придерживаются практически все развитые страны, требует исключительно умелого и квалифицированного управления государственными финансами. Этого, однако, трудно ожидать от пра-

Чун-Шэн Тянь (Китай), исполнительный директор Китайской ассоциации экономических и политических исследований России и Центральной и Восточной Европы — по электронной почте из Пекина: Региональная экономика находится под влиянием негативных тенденций глобального экономического развития. Это деструктивное влияние будет долгосрочным, и перспектива экономического роста в этом году не оправдывается. Экономика США замедлила темпы развития, кризис суверенного долга в Европе — главный фактор глобального экономического спада — привел к массовой панике на глобальных финансовых рынках. Экономика Китая также зависима от глобальных тенденций. Темпы экономического роста Китая — тема весьма дискуссионная, тем не менее в текущем году экономика Поднебесной замедлила свое развитие. Помимо глобальных факторов экономика страны столкнулась с внутренними проблемами. Среди них — сложность социально-экономического развития регионов Китая. Если в 2010 г. ВВП Китая составлял 11,1%, то в первой половине 2011 г. он составил 9,6%. Вместе с тем, несмотря на некоторое снижение, ВВП Китая все же выше, чем его оценивают государственные структуры в своих ежегодных прогнозах.

вительств левого толка, в том числе нынешней американской администрации, или поддающихся влиянию левых сил, руководствующихся не столько рациональными соображениями, сколько иллюзорными идеологическими конструкциями.

ЛИВИЙСКИЙ ЭНДШПИЛЬ И СИРИЙСКИЙ ГАМБИТ

Во второй половине августа 2011 г. в гражданской войне в Ливии произошел перелом. Отряды противников Каддафи при авиационной поддержке стран НАТО взяли Триполи. К концу сентября власть Каддафи распространялась лишь на несколько городов к юго-востоку от столицы, прежде всего Сирт и Бени Валид. Остальная территория страны перешла под контроль либо Национального переходного совета Ливии, либо вождей племен и других местных лидеров. Фактически режим Каддафи пал, и его полная ликвидация является вопросом времени.

Ливия вступила в новый период политического развития, главным содержанием которого является борьба за власть между исламистами, в том числе радикальными, либералами прозападного толка, левацкими группировками, чиновниками и офицерами бывшего режима, перешедшими на сторону оппозиции, и вождями племен. Скорее всего, период нестабильности будет продолжаться длительное время, возможно, несколько лет. Предсказать, какие политические силы в конечном итоге окажутся во главе страны, невозможно. Не исключено, например, что власть окажется в руках радикальных исламистов. Но для развитых стран это уже не представляет особого интереса. Все фракции ливийской элиты заинтересованы в стабильном экспорте нефти и газа, являющемся единственным источником средств существования любого ливийского режима или, в случае распада страны, группировок, контролирующих зоны добычи и транспортировки энергоресурсов. В случае же попыток превратить Ливию в тыловую базу для террористических операций против Европы можно ожидать военной интервенции НАТО, ЕС или коалиции нескольких европейских государств.

Вопреки утверждениям многих экспертов, военное вмешательство западных государств в гражданскую войну в Ливии оказалось весьма эффективным. Цель

вмешательства — свержение Каддафи — была достигнута минимально возможными усилиями при затрате минимальных ресурсов. Фактически в Ливии прошла испытание новая модель *управления конфликтом*, принципиально отличающаяся от реализованной в Ираке и Афганистане. Важно и другое. Выступление западных государств против Каддафи было вызвано отнюдь не стремлением, как считают многие, установить контроль над источниками нефти или путями ее транспортировки. Это не имело какого-либо смысла, поскольку бывшее ливийское руководство было заинтересовано в экспорте энергоресурсов больше, чем европейские страны в их импорте. Решение о свержении Каддафи, как можно предположить, было обусловлено другими обстоятельствами.

Элиты демократических стран вынуждены поддерживать отношения с руководителями авторитарных и тоталитарных диктатур, даже если последние не вызывают ничего, кроме брезгливости. Но когда авторитарные лидеры переходят некую грань в репрессиях против собственного населения (в каждом конкретном случае эта грань различна), то отношения с ними прерываются и они оказываются в изоляции или полуизоляции от развитой части мира. В начале 2011 г. Каддафи такую грань перешел, и поддержание с его режимом прежних отношений дискредитировало бы и США, и европейские государства. Однако изоляция Ливии от Европы невозможна, а потому ликвидация его режима стала единственно возможным вариантом действий для той части европейских элит, которые не могли позволить себе роскошь отказаться от связей с Ливией.

Похожий механизм работает в отношении режима Башара Асада в Сирии. Развернув массовые репрессии против оппозиции, Асад поставил себя в положение, при котором у ведущих демократических стран нет иного выхода, кроме как вести дело к его свержению. Последнее, судя по недавним событиям в Египте, Тунисе и Ливии, неизбежно. Но когда и как это произойдет, пока неясно.

Противостоящие клану Асада группы разного политического толка в сентябре 2011 г. смогли создать Национальный совет. Независимо от реального влияния этого органа на события в Сирии, он с успехом может претендовать на то, чтобы выступать от имени оппозиции и представлять собой политическую альтернативу правящей верхушке. Однако оппозиция не имеет более или менее значимых вооруженных формирований, ведет борьбу преимущественно мирными средствами и не смогла создать на территории Сирии контролируемый ею анклав. А сирийская армия в массе своей сохраняет, по крайней мере, пока, лояльность правящей верхушке и не раскололась на противостоящие группировки.

По сути дела, в стране сложилась патовая ситуация — ни режим, ни его противники не могут одержать победу, а перспектив политического решения нет. Оппозиция сформулировала условия начала консультаций с режимом: устранить диктатуру спецслужб; вывести армию из городов; освободить политзаключенных и создать следственный комитет по расследованию убийств граждан. Выполнение этих требований означает самоубийство режима, держащегося на армейских штыках и органах безопасности. В условиях равновесия сил внешнее воздействие — например, жесткая морская, сухопутная и воздушная блокада в сочетании с политической и финансовой поддержкой оппозиции — могло бы стать решающим фактором и сдвинуть положение в пользу противников режима. Однако без решения Совета безопасности ООН такая блокада представляется малореальной.

Но самое главное в том, что, в отличие от Ливии, находящейся на военно-политической периферии большого Ближнего Востока, Сирия расположена в самом его эпицентре и вписана в клубок сложных противоречий основных центров силы этого региона — Турции, Ирана, Израиля и Саудовской Аравии. На протяжении последних десятилетий она была главным союзником Ирана в арабском мире. В частности, через ее территорию проходят коммуникации, связывающие Иран с базирующимися в Ливане террористами проиранской Хезболлы. На первый взгляд поэтому свержение режима Асада отвечает интересам всех (кроме, разумеется, Ирана) действующих лиц ближневосточного *театра абсурда*. Но реальная

ситуация гораздо сложнее. *Во-первых*, возникает вопрос: на кого будет ориентироваться будущее правительство Сирии — на суннитские монархии Персидского залива, на Турцию или на Европу? *Во-вторых*, резко возрастает роль курдской проблемы. Смена режима, неизбежно сопровождающаяся ослаблением государственных институтов, естественно, укрепит в Сирии позиции курдских кругов, уже многие десятилетия добивающихся создания независимого Курдистана на территориях, входящих в состав Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Это абсолютно неприемлемо для Турции. *В-третьих*, нынешний сирийский режим, ослабленный столкновениями с оппозицией, не представляет какой-либо военной угрозы для Израиля. Но если в конечном итоге в Сирии одержат верх исламские радикалы, например, *братья-мусульмане*, то в перспективе нескольких лет сирийская угроза Израилю заметно возрастет. Иными словами, сохранение нынешнего статус-кво в Сирии соответствует интересам наиболее влиятельных государств региона.

Нельзя не учитывать роль России в развитии ситуации вокруг Сирии. Авторитарные диктатуры, подобные сирийской, намного ближе и понятней большинству российской элиты, чем развитые демократии Запада. Правящие круги России инстинктивно опасаются, возможно, не без причины, что рано или поздно они сами могут стать объектами давления со стороны Запада. А потому Москва делает все от нее зависящее, чтобы не допустить падения авторитарных режимов, особенно антизападной окраски, под воздействием международных санкций. Кроме того, режим Асада является единственным союзником России на Ближнем Востоке. Его свержение приведет к ослаблению и без того не слишком сильного российского влияния в регионе. Россия может потерять пункт материально-технического снабжения своего военно-морского флота в Тартусе. Исчезнет перспектива превращения этого пункта в полноценную военно-морскую базу, о чем давно мечтают российские адмиралы. Наконец, антизападный и антиизраильский курс Сирии, а также поддержка Дамаском экстремистских террористических групп заметно осложняют политическую и стратегическую ситуацию на Ближнем Востоке. Это, в свою очередь, отвлекает ресурсы Запада от зоны бывшего СССР, где сосредоточены основные российские интересы, и усиливает возможности Москвы играть на противоречиях в самом ближневосточном регионе. В свете этого нет оснований надеяться, что Россия поддержит в Совете безопасности сколько-нибудь эффективные санкции против режима Асада, в том числе блокаду. В итоге, сирийский *гамбит* может затянуться, но, скорее всего, ненадолго.

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Операция НАТО в Ливии продемонстрировала пределы возможностей альянса. Не следует ожидать, что после свержения режима Каддафи в Джамахирии воцарится демократия. Ситуация может развиваться по сомалийскому сценарию — племя против племени; а может развиваться по иракскому сценарию — регион против региона; не исключен афганский вариант — исламисты против всех остальных. Думаю, исключен лишь один сценарий — бенгазийцы, сидящие в Триполи, управляют единой Ливией.

Разворачивающаяся в Сирии гражданская война по своей сути является конфликтом *заливных* стран против Ирана, причем Иран, скорее всего, Сирию сдаст. Население в Сирии смешанное, там спокойно живет христианская община, и страна *после Башара Асада* может перестать быть страной Ближнего и Среднего Востока. Эскалация конфликтов в арабском мире продолжится: обострятся арабо-иранские противоречия, продолжится зачистка Катаром и Саудовской Аравией авторитарных светских арабских режимов.

Падение авторитарных режимов чаще всего происходит при сочетании восстания масс и раскола элит. В одних случаях в правящих кругах формируется оппозиционная группировка, которая провоцирует беспорядки и на их фоне приходит к власти. В других — стихийные бунты вызывают расколы в бюрократической и военной элитах, которые в конечном итоге приводят к падению режима. Но чаще всего выступления населения и борьба за власть в верхах разворачиваются одновременно, взаимно усиливая друг друга.

Такой подход высвечивает ключевой вопрос — насколько долго офицерский корпус сирийской армии будет сохранять лояльность Асаду и его ближайшему окружению. Та часть офицерского корпуса, которая не несет прямой ответственности за репрессии против населения, вскоре все же придет к логичному выводу о том, что поддержка правящей клики, находящейся под двойным давлением — извне и изнутри — слишком рискованна, тогда как переход на сторону оппозиции может принести ощутимые карьерные выгоды или просто поможет сохранить занимаемое положение.

НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Летом и в начале осени 2011 г. достаточно отчетливо выявились новые элементы в стратегической ситуации на Ближнем Востоке. После падения режима Мубарака во внешней политике Египта отчетливо обозначилась антиизраильская линия. Разумеется, ни нынешнее военное руководство Египта, ни правительство, которое может быть сформировано после ноябрьских выборов, не рискнут пойти на открытую военную авантюру. Однако можно ожидать усиления египетской поддержки требований лидеров палестинской автономии, разного рода мелких провокаций, ослабления контроля на границе с сектором Газа и тому подобного. В результате, не столько военное, сколько политическое и дипломатическое положение Израиля осложняется.

Ситуация в регионе обостряется также вследствие обращения Махмуда Аббаса к ООН с просьбой принять Палестину в члены этой организации. К моменту написания обзора итоги демарша палестинского лидера были неизвестны. Нет сомнений, однако, что Совет безопасности заблокирует палестинское обращение, тогда как Генеральная ассамблея ООН его поддержит и предоставит Палестинской национальной администрации статус государства-наблюдателя. Это станет еще одним свидетельством деструктивной роли ООН в современном мире, поскольку привет к вспышке напряженности на Ближнем Востоке.

До новой израильско-арабской войны дело, разумеется, не дойдет. Арабские государства трижды развязывали военные конфликты с Израилем и трижды терпели поражения. Такие впечатляющие уроки истории не могут пройти бесследно даже для арабских властителей. Далее, ни Египет, ни Сирия не в состоянии вести войну с кем-либо в результате внутренних пертурбаций. А без их участия никакая война с Израилем невозможна. Вместе с тем статус государства-наблюдателя в ООН, скорее всего, будет истолкован в арабском мире и самими палестинцами как международное признание палестинского государства, причем в границах до войны 1967 г. Аббас уже назвал уход Израиля со всех территорий, занятых в ходе арабо-израильской войны 1967 г., а также замораживание строительства еврейских поселений в качестве условий для продолжения переговоров с Израилем. Для последнего ни то, ни другое заведомо не приемлемо.

Иными словами, палестинцы уже подорвали, причем надолго, возможности политического урегулирования ключевых проблем палестино-израильских отношений: статус Восточного Иерусалима, границы и возвращение так называемых беженцев. А потому у них нет другого выхода, кроме как спровоцировать новую интифаду и одновременно под предлогом несговорчивости Израиля апеллировать к так называемому мировому общественному мнению и европейским странам с просьбой оказать давление на израильское руководство, а заодно оказать Палестине дополнительную финансовую помощь.

Можно ожидать, что европейские лидеры, хотя и не все, а также администрация Обамы начнут добиваться от израильского руководства принципиальных уступок с тем, чтобы такой ценой стабилизировать военно-политическую ситуацию в регионе. Это свидетельствует лишь о полном непонимании и, что еще хуже, нежелании понимать историю и природу палестинской проблемы. Но главное — в другом. Никакие уступки Израиля не приведут к снижению напряженности на Ближнем Востоке. Израильско-палестинское противостояние нужно практически всем арабским лидерам, чтобы направить внутреннее недовольство вовне, против сионистского врага и одновременно шантажировать Запад.

Но, пожалуй, самым важным фактором стратегических изменений на Ближнем Востоке является политика Турции, которая все более настойчиво добивается утверждения там своей лидирующей роли. Это заметно усложняет расстановку и соотношение сил в регионе. До последнего времени в нем были два основных узла противоречий. Первый — между арабскими странами и Израилем, с одной стороны, и, Ираном, стремящимся к гегемонии в зоне Персидского залива, а затем и на Ближнем Востоке в целом, с другой. Второй — между арабскими государствами и Израилем. Теперь к ним добавился очень сложный комплекс отношений между Турцией и другими ведущими действующими лицами Ближнего Востока — Ираном, Саудовской Аравией и Израилем. В итоге ситуация там стала еще более запутанной и труднопредсказуемой.

Турецкой активности на Ближнем Востоке способствовали три обстоятельства. *Во-первых*, в последние 20 лет среднегодовые темпы роста турецкого ВВП составили более 4%, что в 2,5 раза выше, чем в среднем в Европейском союзе. В конце 2000-х гг. суверенный турецкий долг составил 45% ВВП, что почти в два раза меньше, чем в ЕС. А дефицит государственного бюджета сократился с 33% в 2000 г. до 6,5% в 2009 г. Иными словами, на фоне остальной Европы турецкая экономика выглядит на редкость здоровой. *Во-вторых*, в турецкой элите накопилось серьезное разочарование и раздражение тем, что многолетние усилия по вступлению в ЕС не дают результата, тогда как членами Европейского союза стали, например, Болгария и Румыния, чье экономическое положение не выдерживает критики. *В-третьих*, у власти в Турции находятся умеренные исламисты, для которых мусульманский мир является не менее, а может быть и более привлекательной зоной приложения сил, чем Европа. Наконец, экономические успехи и относительно высокая политическая стабильность способствовали росту с стране неоимперских или, как иногда их называют, *неоосманских* настроений.

Взяв курс на усиление своего влияния на Ближнем Востоке, Турция активно разгryвает антиизраильскую карту, хотя и не доводит пока дело до открытой конфронтации с Израилем. Одновременно сохраняется и усиливается сотрудничество с США. В частности, в сентябре 2011 г. Анкара дала согласие на развертывание вблизи с границы с Сирией мобильного американского радара *AN/TPY-2 THAAD* дальностью действия около тысячи километров, способного обнаруживать запуски ракет с северной части Ирана, отслеживать их траектории и наводить на них ракеты-перехватчики, находящиеся на кораблях, барражирующих в Средиземном море. Это очевидное свидетельство антииранской направленности турецкой политики на Ближнем Востоке. Последнее, впрочем, вполне естественно — Тегеран является одним из основных соперников Анкары в борьбе за влияние в регионе.

КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Интриги и хитросплетения вокруг предстоящей перестановки фигур в Кремле и Белом доме отвлекали внимание экспертов и общественного мнения как в России, так и за рубежом от российской внешней политики. Между тем к концу лета 2011 г. появилось немало свидетельств того, что она оказалась в очередном кризисе.

Вплоть до падения Триполи МИД и другие российские ведомства пытались тем или иным путем сохранить Каддафи у власти или, по крайней мере, не допустить воен-

ного разгрома его режима. В Москве ясно давали понять, что решение Медведева не голосовать против резолюции СБ ООН 1973 ошибочно, и одновременно обвиняли страны — члены НАТО в том, что их действия в Ливии нарушают эту резолюцию. При этом российские дипломаты и политические деятели сознательно или по незнанию игнорировали пункт 4 данной резолюции, который уполномочивал государства-члены, «действуя самостоятельно или через региональные организации или соглашения и действуя в сотрудничестве с Генеральным секретарем, принимать все необходимые меры, несмотря на положения пункта 9 резолюции 1970 (2011), для защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения [...] но исключая при этом возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории»⁹. Внешнее военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии как раз попадало в категорию «всех необходимых мер» для защиты гражданского населения; причем никакие «иностранных оккупационных сил» на территорию Ливии не вводилось. Как бы то ни было, российская политика в Ливии потерпела крупный провал. Хуже другое — в Москве не сделали из этого необходимых выводов и делают все возможное, чтобы не допустить смены власти в Сирии по причинам, которые были перечислены чуть раньше. 4 октября 2011 г. Россия вместе с Китаем заблокировали принятие резолюции Совета безопасности ООН, предусматривающей даже не санкции, а некие «особые меры» против режима Асада в случае, если будет продолжаться силовое подавление оппозиции. Представитель России в ООН Виталий Чуркин объяснил российскую позицию довольно странным образом: проект резолюции «построен на философии конфронтации». Что именно он имел в виду, остается загадкой.

Вызывает недоумение поддержка Россией авантюры с признанием палестинского государства. Результат этого будет только один — ухудшение отношений с Израилем. Но Израиль — единственное ближневосточное государство, являющееся естественным партнером и, теоретически, даже союзником России — их объединяет общая глубокая заинтересованность в противодействии исламскому экстремизму. Кроме того, Израиль представляет собой потенциальный источник высоких технологий, в которых Россия отчаянно нуждается. Наконец, в силу очевидных причин ментальность российского и израильского обществ имеет очень много общего, между ними практически нет проблемы взаимного непонимания, тогда как российский и арабский менталитет глубоко чужды друг другу.

Сегодня ясно, что попытка России остановить или ограничить развертывание системы ПРО в Европе окончилась неудачей. Американо-турецкая договоренность о размещении в Турции противоракетного радара в дополнение к аналогичному радару, находящемуся в Израиле, по сути дела, лишает какого-либо смысла сотрудничество с Россией в области ПРО, в том числе обмен информацией о пусках иранских ракет. Информация, получаемая от РЛС *AN/TPY-2 THAAD* в Турции и Израиле, делает ненужной данные, которые теоретически могут быть получены от РЛС в Габале и Армавире. Неслучайно высокопоставленный чиновник в Кремле на вопрос, есть ли шанс договориться с США и НАТО по проблеме ПРО, прямо ответил, что такие возможности исчерпаны. «Шансов договориться нет. [...] Теперь нужно либо свою ПРО создавать, либо наращивать ядерный потенциал»¹⁰.

Разумеется, российское руководство может принять решение о создании собственной ПРО и выделить для этого внушительные средства. Последнее будет с энтузиазмом поддержано деятелями ВПК, которые, естественно, пообещают выполнить эту работу качественно и в кратчайшие сроки. Однако технологический разрыв между Россией и США и прогрессирующая деградация высокотехнологичного сектора экономики делают невозможным создание в России противоракетной обороны, сопоставимой с той, что развертывается в Европе, на Дальнем Востоке и в США. При этом гипотетическая российская ПРО, если ее удастся построить, не может угрожать безопасности США по тем самым причинам, по которым американская ПРО не угрожает безопасности России. Иными словами, строительство ПРО в качестве *ответа* на предполагаемую растущую американскую угрозу нелепо. Что же касается наращивания ядерного потенциала, то в России делается все, в том числе заведомо

бесмысленное, чтобы максимально компенсировать сокращение стратегических вооружений, вызванное истечением гарантийных сроков эксплуатации. Следовательно, наращивать ядерный потенциал можно только развертывая ракеты *Искандер* вдоль западных границ. А это в перспективе грозит новым военно-политическим кризисом в Европе, напоминая ракетный кризис 1970–1980-х гг.

Наконец, Москва умудрилась испортить отношения с нынешним руководством Украины — страны, имеющей для России ключевое стратегическое значение. Кремль соглашался обсуждать вопрос о снижении цены на газ только при условии объединения газотранспортных систем Украины и России, то есть поглощения украинских газопроводов Газпромом, а также присоединения Киева к Таможенному союзу. Последнее перекрывает перспективу создания зоны свободной торговли Украины с ЕС, переговоры о которой находятся на завершающей стадии. В итоге президент Янукович на встрече с Путиным и Медведевым в Завидово дал ясно понять, что если не будет найдено устраивающее Украину решение вопроса о цене на газ, будут пересмотрены харьковские соглашения относительно базирования Черноморского флота, а также, что еще болезненнее для Москвы, Киев может присоединиться к создаваемой под эгидой НАТО системе ПРО¹¹. Каковы будут последствия этого демарша, пока неясно. Но понятно, что он (или нечто подобное) стал возможным только в результате дошедшего до точки кипения раздражения Киева политикой Москвы.

Можно перечислять и другие примеры, свидетельствующие о грубых ошибках Кремля в оценках ключевых трендов развития ситуации в мире в целом и отдельных его регионах, прежде всего на Ближнем Востоке, а также способности Запада и ближайших соседей России сопротивляться давлению и угрозам с ее стороны. Если не произойдет принципиальных изменений в международной стратегии России, а предпосылки для этого не видно, ее изоляция станет если не неизбежной, то весьма вероятной.

БОРЬБА ЗА 20 ТРИЛЛИОНОВ

Сделанное 24 сентября 2011 г. объявление о *рокировке* тандема и последовавшая за этим отставка вице-преьера и министра финансов Алексея Кудрина вызвали шквал комментариев в российской и зарубежной прессе. Они достаточно хорошо известны читателям и комментировать их здесь нет резона. Меньшее внимание экспертов и журналистов привлекло публично высказанное Кудриным объяснение своего нежелания работать в будущем правительстве Медведева. А именно оно является наиболее интересным во всей этой цепи событий. Напомним, что причиной демарша Кудрина, по его словам, стало решение Медведева о выделении 20 трлн рублей на оплату государственного оборонного заказа в 2011–2020 гг. Не доверять этому объяснению причин нет. Для того чтобы оценить значимость этого заявления, необходимо отметить, что начиная с 2000 г. расходы на военные цели росли в России весьма быстрыми темпами. В рублевом выражении в текущих ценах они увеличились за этот период примерно в 6,5 раз, а в долларах США при пересчете по паритету покупательной способности (ППС) — немногим более чем в 2 раза. Сколько-нибудь заметных улучшений боеспособности и эффективности российских вооруженных сил, как показали война с Грузией и *контртеррористическая* операция в Чечне, не произошло.

Таблица 3. Российские военные расходы, 2000–2010 гг.¹²

Расходы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
млрд руб., текущие цены	271	365	470	568	656	806	967	1144	1448	1693	1782
млрд долл., пересчитанные по ППС	41,6	49,2	55,7	60,4	59,6	63,3	68,1	72,8	79,8	92,6	88,5

3 июня 2010 г. были обнародованы предварительные данные о финансировании государственной программы вооружений на 2011–2020 гг. Предполагалось, что на эти цели будет выделено 13 трлн рублей, или 1,3 трлн руб. в год. Министерство обороны сочло эту сумму недостаточной и потребовало выделить как минимум 28 трлн руб. А для финансирования вооруженных сил *в полном объеме*, по заявлениям военного командования, требовалась фантастическая сумма — 36 трлн руб., причем только на оплату государственного оборонного заказа, без учета расходов на содержание и боевую подготовку войск¹³. Это не могло не вызвать жесткого сопротивления Министерства финансов, хорошо осознающего, что военные расходы такого масштаба могут иметь катастрофические последствия для экономики. В конце 2010 г. была утверждена компромиссная цифра в 20 трлн руб., или почти 1 трлн долл. по ППС в ценах 2010 г. Это значит, что ежегодные военные расходы предполагается увеличить более, чем в 2 раза, доведя их в среднем до 180–190 млрд долл. в год (в нынешних ценах по ППС). В мае 2011 г. Министерство финансов официально предложило отказаться от увеличения численности офицеров и контрактников, сократить за 3 года армию на 15%, и сокращать расходы на гособоронзаказ по 100 млрд руб. ежегодно в ближайшие 3 года, а также снизить бюджет МВД на следующие 2 года на 97 и 99 млрд руб.¹⁴

Судя по всему, эти предложения были отвергнуты в результате жесткого сопротивления военного командования. Однако они не могли не обострить, возможно, до критического уровня отношения между Кудриным и ориентирующимися на него кругами бюрократии с *силовой группировкой* в высшем российском руководстве. При этом из заявления Кудрина следует, что главным лоббистом интересов военного командования и ВПК, *проталкивавшим* выделение упомянутых средств на военные цели, являлся и Медведев¹⁵.

Отставка Кудрина нарушила равновесие между различными фракциями в окружении Путина и привела к значительному усилению влияния *силовики* на внутреннюю и внешнюю политику страны. Однако, скорее всего, до президентских выборов существенных изменений во внешней политике России не произойдет. В дальнейшем же можно ожидать ужесточения позиции по европейской ПРО, вплоть до решения о размещении *Искандеров* в Калининградской области.

Главным приоритетом российского военного ведомства является сохранение и модернизация стратегической триады. По крайней мере, с этим согласны практически все российские военные эксперты. Это имеет смысл только в том случае, если российские военные планы предусматривают реальную возможность конфронтации с США, грозящей перерастить в обмен ракетно-ядерными ударами. Следовательно, возникает вопрос: каким может быть относительно реалистичский сценарий возникновения и эскалации такого рода конфронтации? Единственный ответ состоит в том, что военное противостояние между США и Россией возникает в результате вторжения российских войск в ту или иную сопредельную страну и выступление Соединенных Штатов в ее защиту.

НИКТО ТАК НЕ СЛЕП, КАК ТОТ, КТО НЕ ХОЧЕТ ВИДЕТЬ

В книге пророка Иеремии упоминается народ, «у которого есть глаза, а не видит, у которого есть уши, а не слышит». Англичане уже давно выразили эту же мысль более простым и элегантным образом: «Никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть»¹⁶. К сожалению, в большинстве своем политические и бюрократические элиты слепы, потому что не хотят видеть очевидное и отказываются от исчерпавшими себя стратегий и взглядов. Российское политическое руководство не способно образумить зарвавшийся генералитет. Администрация Обамы намерена и далее наращивать социальные расходы и продолжать *перезагрузку* с Россией. Погрязшая в бюрократизме ООН поддерживает террористов, именующих себя борцами за справедливость или, например, за независимость Палестины. Профсоюзы и левые партии всеми силами пытаются сорвать сокращение бюджетных расходов, *подхлестывая* таким образом экономический кризис. Европейские пра-

вительства в тревоге от неконтролируемой и нелегальной миграции из третьего мира, но боятся ее пресечь. Полицейские, застрелившие в Лондоне известного бандита, направившего на них пистолет, опасаются обвинений в неправомерном применении оружия. Развитый мир нуждается в лидерах, сопоставимых по своим масштабам с Черчиллем, Аденауэром, де Голлем, Рейганом и Тэтчер. Но, увы, таких пока нет...

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ПЕРЕЗАГРУЗКА МЕРТВА

*«На мою могилу нанесут горы мусора,
Но ветер истории безжалостно его развеет».
Приписывается И. В. Сталину.*

Вот уже пять лет выходят в журнале *Индекс Безопасности* и вот уже пять лет пишущая обзоры международных событий. Оглядываясь на пройденный путь, понимаешь, как сильно изменился мир за прошедшие годы. От еще даже не ожидания перемен, а просто ощущения того, что новый мировой порядок буксует, через первый *пинк* мирового финансового кризиса 2008 г. к ситуации постоянной нестабильности в одном из ключевых для мировой политики регионов и ожидания глобальной экономической и политической нестабильности. Вы даже будете смеяться, — российская внутренняя политика вновь стала интересной. А это уже даже не симптом. Это диагноз.

Это движение, конечно, не развивалось по прямой линии, сопровождалось зигзагами и непоследовательностью политиков, вдруг появляющимися надеждами на умиротворение. Однако весь пройденный путь, надеюсь, смог убедить всех нас, что в современном мире нет ничего прочного, ничего безусловно стабильного. Вряд ли можно говорить о периоде с 1991 по 2011 г. как о периоде стабильности. Это было бы абсолютным цинизмом по отношению к жертвам региональных конфликтов и локальных геноцидов. Это было бы неправдой и с исторической точки зрения. Дело не в том, что конфликтов и войн было меньше, чем обычно. Дело в том, что многим казалось, что все те константы, которые относятся к *цивилизованному миру*, вечны, то есть и существовали всегда, и никогда не изменятся. И стоит только попасть в число избранных, и как по мановению волшебной палочки стабильность и относительное материальное благополучие сделают политические проблемы, и внешние, и внутренние, совершенно несущественными. Как говаривал покойный Егор Гайдар, вероятно, последний искренний либерал в нашей стране (злые языки сказали бы: первый и последний): *«Я хочу жить в скучной стране»*. Кто бы мог подумать, что в тихой Европе обнаружится, как минимум, полдюжины интересных стран, а самой *интересной* из них станет Греция, причем интересной не только и не столько для самих греков (которые с завидной регулярностью выплескивают на улицах Афин и других крупных греческих городов свою агрессию, видимо, накопившуюся за годы членства в ЕС), сколько для остальных жителей объединенной Европы, которые начинают уже всерьез сомневаться в том, что следующее поколение европейцев будет жить обязательно лучше предыдущего.

Такое оживление европейской политики происходит на фоне еще одного весьма *перспективного*, извините за цинизм, явления: вхождения европейского мультикультурализма в фазу активного умирания. С Америкой дело обстоит намного сложнее, но и там происходят схожие процессы. Это видно хотя бы по ситуации во Флориде и Калифорнии, а также по появлению «Движения Чаепития», что знаменует, безусловно, кризис традиционной американской многокультурности и многоукладности. Однако, в отличие от США, в Европе смерть мультикультурализма становится уже политическим вопросом. Во всяком случае неэффектив-

дят до кондиции будущие глобальные военные конфликты. И этот бульон начал, да простят мне этот каламбур, побулькивать. И вот это *побулькивание* будет, вероятно, самым важным процессом в сфере глобальной безопасности на ближайшее время. Вот только, боюсь, не всегда удастся за ним только наблюдать со стороны.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Table. Summary of Treasury securities outstanding. 2011, August 31, <http://www.treasurydirect.gov/govt/reports/pd/mspd/2011/opds082011.pdf> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.); Masters Jonathan. US debt ceiling: cost and consequences. 2011, August 2, <http://www.cfr.org/international-finance/us-debt-ceiling-cost-consequences/p24751> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

² Table 1.3. Summary of Receipts, Outlays, and Surpluses or Deficits in Current Dollars, Constant (FY 2005) Dollars, and as Percentages of GDP: 1940–2016, <http://www.whitehouse.gov/omb/budget/Historicals> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

³ В США текущий финансовый год начинается 1 октября предыдущего года и заканчивается 30 сентября текущего года. Так, 2011 финансовый год начался 1 октября 2010 г. и закончился 30 сентября 2011 г.

⁴ В США исследовательские центры и СМИ регулярно проводят несколько десятков опросов общественного мнения. Их результаты по одной и той же проблеме могут расходиться между собой на 10–15%, что открывает возможность манипулировать ими. В данном случае использованы усредненные и взвешенные результаты различных исследований, что дает относительно точное представление о состоянии общественного мнения и тенденциях его изменений. Эти данные регулярно публикуются на очень полезном веб-сайте <http://www.huffingtonpost.com> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁵ National Job Approval: President Barack Obama, http://www.huffingtonpost.com/2009/01/06/jobapproval-obama_n_726319.html (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁶ Belasco Amy. The Cost of Iraq, Afghanistan, and other global War on terror operations since 9/11. CRS Report for Congress RL33110. Congressional Research Service. 2011, March 29. P. 3

⁷ Eurostat, <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/themes> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁸ Ремчуков Константин. Заигрывание с «русской темой» — фундаментальная ошибка власти. *Независимая газета*. 2011, 4 октября. http://www.ng.ru/politics/2011-10-04/100_kvrecho0310.html (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁹ Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 г. Документ ООН S/RES/1973 (2011). Para 4. Упомянутый в данном документе пункт 9 резолюции 1970 (2011) вводил эмбарго на поставки в Ливию вооружений и военной техники — то есть резолюция 1973 разрешала ввозить на территорию Ливии вооружения для защиты гражданского населения.

¹⁰ Соловьев Владимир, Габуев Александр. Россия уклоняется от противоракет. *Коммерсант*. 2011, 3 октября, <http://www.kommersant.ru/doc/1786620> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹¹ Мостовая Юлия. Об уговоре и приговоре. *Зеркало недели. Украина*. 2011, 30 сентября. <http://zn.ua/articles/88816> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹² Данные по военным расходам в рублях взяты из SIPRI Military Expenditures Database — Russia, <http://milexpdata.sipri.org/result.php4> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.). Оценки СИПРИ учитывают ряд расходов на военные цели (космические программы, ГЛОНАСС и т. п.), которые включены в графу «национальная оборона» российских законов о государственном бюджете, и поэтому являются более близкими к реальности, чем официальные данные. Они пересчитаны в доллары с применением коэффициента пересчета по паритету покупательной способности, используемого Мировым валютным фондом.

IMF, WEO, Data & Statistics. 2011, September, <http://www.imf.org/weodata/weoselgr.aspx> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.). Пересчет по ППС позволяет более адекватно сопоставить финансовые показатели различных стран, чем пересчет по текущему обменному курсу, который занижает российские военные расходы в долларовом выражении.

¹³ Военный бюджет России на 2011–2013 годы: прощание с иллюзиями. *Военное обозрение*. 2010, 29 октября, <http://www.siliyan.ru/archives/7728> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹⁴ Кудрин «подрежет» военные расходы бюджета, <http://www.newsru.com/finance/25may2011/sequestr.html> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹⁵ Это подтверждается высказываниями самого Д. А. Медведева. Так, выступая 27 сентября 2011 г. на встрече с командирами, он заявил: «У России всегда будут очень высокие расходы на поддержание обороны и безопасности, в этом наша миссия и в отношении наших граждан, и в отношении наших соседей», <http://www.president.kremlin.ru/transcripts/12836> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹⁶ None so blind as those who won't see.